

The illustration depicts a scene from a historical or fantasy setting. On the left, a warrior with a full beard and a metal helmet sits on a white horse. He is wearing a full suit of plate armor and a green cloak. He holds a long spear in his right hand and a shield with a blue background and a golden rampant lion in his left. On the right, a bare-chested warrior with long blonde hair and a beard is shouting with his mouth wide open. He holds a battle-axe in his right hand. The background is a bright, hazy sky. At the top, there is a decorative border with a golden knotwork pattern.

ДЕНИС СТАРЫЙ

СЛАВЯНИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

1

Денис Старый

Славянин 1.

Возвращение к истокам

«Автор»

2026

Старый Д.

Славянин 1. Возвращение к истокам / Д. Старый — «Автор»,
2026

Мгновение — и я в прошлом. Без Родины, без своего времени, среди чужих интриг. Славян здесь не жалуют и охотно подставляют, а я вдруг оказался на службе у самого Велизария. Что ж если у меня отняли прошлое, я построю новое. Вернусь к истокам, к предкам, и покажу, на что способен славянин. Кто там против? Болгары, авары, византийские хитрецы — разберусь со всеми. Если я лишился Родины, то создам её для себя здесь. Ведь я, как оказывается, командир отряда воинов-склавинов. Вот только персидское войско выстраивается для атаки, на острие которой мои воины, гунны обозлились и решили известить меня, жена Велизария плетет свою интригу. Легкого пути нет, но я пройду своей дорогой и проведу по ней своих людей.

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Славянин 1. Возвращение к истокам

Название: Славянин 1. Возвращение к истокам

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Юго-Запад Турции
Весна 2024 года

В машине трясло. Мы мчались и казалось, что тот игиловец, сидевший за рулем, специально собирает все кочки и ухабы, даже не думая объезжать их. То и дело, но я ударялся о крышу машины. Радовало только одно – ударялись и те бандиты, что сидели рядом. У меня амортизатором была плотная шапка, одетая и на голову и натянута на глаза. Но это не спасало. «Будет шишка», – подумал я.

Хотя было, о чем другом подумать. Кто меня сдал? Почему из охраны оказалось только одно подразделение? Парни полегли. Все... А я живой. Хреново это, очень нехорошо. Жить с таким грузом будет сложно. Но ведь и не факт, что скоро моя жизнь не прервется.

А еще... Откуда они знали, что есть флешка? И почему понимали, насколько важная информация на ней? Это не информационная бомба, которая раз взорвется, да и все скоро забудут. Это большее – возможность нанести удар по России в информационном поле в долгую. А еще и сорвать планы русского командования и политиков.

— Куратор уже должен быть! – явно нервничая, выкрикнул на арабском языке один из террористов.

Глупцы! Они настолько привыкли, что их не понимают европейцы, в том числе и русские, что говорят свободно на одном из арабских диалектов. Аравийский диалект я знаю очень даже хорошо. Хотя в мире более распространен Египетский. Вообще я склонен к изучению иностранных языков. Это помогало мне делать карьеру военного и быть ценным специалистом.

Ну да не суть. Не стесняются меня и хорошо. Нельзя показывать вида, что понимаю. Так больше шансов сбежать.

Бежать – никак иначе! Или пуля в спину при попытке побега, или сбегу. Но флешку, на крайний случай, нужно уничтожить. Она не может достаться ни врагу ни тому, кто врагом может стать в любой момент. Но как же она нужна моей стране!

А бандиты еще не знают, наверное, что мои седины – это не признак старости и немощности. И то, что если я подполковник – это отнюдь не значит, что в штабах заседаю. Кое-что умею. Или знают? Брали же конкретно меня.

Дорога вдруг стала плавной, а водитель сбросил скорость. Будто бы пересекли черту.

— Тра-та-та! – раздались выстрелы.

Стрелок с крупняка в кузове отрабатывал. Скорее всего, по летящим целям. Меня ищут? Свои дроны? Пусть бы уже и били по пикапу.

Ванька... Как жить мне с таким грузом? Молодой боец, двадцать два года, прикрыл меня собой. Тогда обложили бармалеи со всех сторон. А парни... Они же взяли круговую оборону, и я в центре. Бандитам досталось, но и тысяча таких пустынных разбойников не стоят и одного парня из тех, кто отдал за меня жизнь. Лучшая группа... Лучшие воины.

— Почему этот русский такой важный? У нас были другие их офицеры. Так тех же обменяли? – интересовался на слух, молодой бандит, сидящий по левое плечо от меня.

“Не знает о флешке”, – догадался я.

Значит она у главаря.

— Ай... Шайтан! Али, ты все кочки решил собрать? Аккуратнее! – выверился, сидящий на переднем пассажирском сидении бандит.

Главный этой группы. Я уже это вычислил. Порадовался, даже улыбнулся. И этот черт пустынный головой ударился. Какие еще радости нужны человеку? Только бы его врагам было больно!

— Этот русский нужен англич... Всем молчать! Возможно он понимает нас! – допетрил, наконец, вожак гиен.

Хотя он больше других и проговаривался.

— Да ладно? Тут не так много на нашем разговаривают, – сказал шакал, сидящий по правую сторону от меня.

Еще гудела голова. Тошнило и я даже не сопротивлялся тому, чтобы загадить салон, скорее всего Тойоты. Но не получалось. А теперь, когда в голове уже созрел план действий, то и не стоит.

Парни, с которыми я работал уже два года, “группа Десятого”, прошли много операций, успели покрыть себя славой. И погибли ради меня. Я троих пустынных чертей убил, а потом... Не помню. Но легкое покалывание в шее говорит о том, что мне вкололи какую-то химию.

Они приходили за флешкой. Они приходили за мной, за подполковником Андреем Всеволодовичем Дунайцевым. Официально заместителем начальника Центра Примирения в Сирии. Неофициально...

Ценный я фрукт. Знаю столько, что и враг может только догадываться какого языка взяли. Но взяли ли? От моих знаний зависят жизни многих людей. Может хватит за меня умирать, может пора мне за кого-то погибнуть?

Руки были уже почти развязаны. Я растянул веревки. Ха! Веревки! В нашем-то веке!

Теперь могу в любой момент попробовать... Но что попробовать? Умирать, наверное. И молодая не узнает, какой у парня был конец... Не парень я, мужчина за сорок. И этот... конец в комплекте. И молодая в наличии имеется. Семью хотел еще с ней создать. Вроде бы нормальная женщина, младше на семь лет, тоже ее помотало по жизни. Но не судьба нам быть вместе и детишек нянчить.

Но прежде чем умереть, нужно еще кое-что сделать.

— В туалет хочу! – сказал я.

— Что говорит этот русский шакал? – спросил главарь.

— Опорожниться хочет, – растерянно отвечал сидящий от меня по правую руку.

— Дрон куратора! Мы близко! – прокричал бандит в кузове, стоящий за крупнокалиберным пулеметом.

— Ссать! И тошнит меня! Остановите! – выкрикивал я.

Мало ли... Может и такое пройдет и машина остановится. Тогда действовать уже сподручнее. А то, что нас сопровождает дрон – плохо. Очень плохо. Или сейчас, или никогда! Уже могут направлять и другие машины к нам.

— Скажи ему, что может опорожниться в штаны! – рассмеялся главарь.

— Так он еще и блевать собрался! – сказал переводчик, и попробовал чуть отстраниться от меня.

— Не будет остановок. Русские его ищут. Уже замечены их дроны. Быстрее нужно передать этого подполковника, а то денег не дадут, – настаивал главарь.

- Ну все... Терпеть не могу, - сказал я.

Когда оба бандита, сидящие рядом, стали жаться к дверям, словно бы я какой прокаженный, появилось чуть больше простора для рук. Уже все, что меня интересует, я проверил, на ощупь. Знал, где нож у того, что слева. Понимал, как именно лежит на коленях автомат у того, что справа.

Резко выдергиваю руку из веревки, тут же бью в кадык того, что справа. Он начинает хрипеть. Освобождаю глаза. Резкая боль от яркого света, но стараюсь на нее не обращать внимание.

Пока ни водитель, ни главарь не реагируют. Забираю Калашников у хрипящего бандита. Проверяю предохранитель.

— Бах! – стреляю в голову бандиту на переднем пассажирском сиденье.

Хотел замазать салон машины, вот и получилось. Только кровью и мозгами шакала. Тут же бью прикладом в голову сидящего по левую сторону от меня.

— Останови машину! – кричу я водителю на аравийском диалекте.

— Бах! – стреляю в ногу хрипящему.

Он пробовал меня ударить, но попал в плечо. У меня не получается в тесноте вывернуть автомат, чтобы тоже в голову, или в сердце.

Перекидываюсь через хрипящего подранка, открываю машину, пробую вытолкнуть его. Упирается, гад.

— На! – бью его в прострелянную ногу прикладом.

— А-а! – через хрипы прорывается крик.

— Нахер! – выкрикиваю я на великом и могучем, выталкивая-таки шакала из машины.

Пространства становится больше. Бросаю взгляд на бандита слева. В отключке. Приставляю горячий ствол автомата к голове водителя.

— Останавливай машину! – на его языке вновь требую я.

Упертый, сука. Словно и не слышит. Ну что ж...

— Бах! – стреляю в голову водителю.

Тут же смещаюсь вниз между передними и задними сиденьями, группируюсь.

Машина подпрыгивает на кочке, словно взлетает.

— Бум! – Тойота ударяется о землю.

Уже подошедший бандит так вцепился в руль, что и после смерти не отпускает. А его нога все еще на педали газа. Заваливается водитель, вместе с ним влево выворачивается руль. Тут же машину ведет.

— Бум! Бум! – машину начинает крутить.

Ударяюсь головой о сиденье, цепляюсь за что только можно, при этом стараясь вжаться в пол. Голова кружится, не успевает за тем, как переворачивается раз за разом машина. Ствол крупнокалиберного пулемета из кузова врывается в салон, ударяет сидящего слева бандита и устремляется ко мне. Пять, или около того, сантиметров над головой останавливается. Останавливается и машина.

Прислушиваюсь к себе. Норм. Побаливает голова, не без этого, но живой. И вроде бы серьезных повреждений не имею. Повезло. Но насколько удача сегодня со мной?

— Давай же! – комментирую я свои потуги открыть двери.

Слева открыть машину не получается. А вот справа выбиваю дверь ногами. Вываливаюсь на холодный декабрьский песок. Но даже не чувствую холода земли. А в это время по ночам здесь очень холодно, зима.

Небо... Чистое, без облаков. Но каким бы сейчас полезным был дождь, ветер, хоть бы песчаная буря. Ни один беспилотник не достал бы меня, машины не смогли бы охотиться. Но, увы.

— Ж-ж-ж! – над головой повисает дрон.

— Дулю... Нет, фак вам, чтобы понятнее было! – выкрикиваю я, складывая из пальцев известную конфигурацию.

Дрон не боевой, и даже без подвешенной гранаты. Однако, кругом пустыня и явно уже кем-то злым на меня получены данные. И он захочет поквитаться за убитых шакалов. Или же таинственные кураторы террористов пошлют группу прикрытия, в моем случае, захвата.

Проверяю пульс у переводчика. Нет. Жаль... Вот его, при удаче, я хотел бы с собой взять. Нашим контрразведчикам, уверен, такое общение будет интересным. В процессе разговоров переводчик хвастал, что присутствовал на очень важных встречах.

А еще он наверняка должен знать про обстоятельства моего захвата. Ведь сдал же кто-то. А еще кто-то приказал уменьшить мою охрану. И это в те дни, когда в Сирии боевики

стремительно захватывают город за городом. Когда уже все закончилось, и к власти приходят те, кто вчера был террористом.

Открываю водительскую дверь, обыскиваю, выкидываю водителя. Сажусь. Внутри убитый главарь, переводчика тоже скинул.

— Тр-тр-т! – пробую завести машину.

— Ну же... – пробую еще и еще.

Нет... Не выходит. Удача отвернулась от меня. Да будет проклят японский автопром после такого! Обыскиваю главаря. Неприятно, кровь, разможжённый череп. Но разве много приятного в моей службе? Она просто нужна государству. А приятности пусть дарят женщины, когда дожидаются своих мужей.

— Есть! – радостно реагирую я, найдя флеш-карту.

Как и предполагал, она в кармане у главаря. Первый порыв – уничтожить важную информацию. У меня, после того, как машина не завелась, резко уменьшились шансы выжить. Но пока оставляю флешку. Прострелю, если что. Не восстановят.

Вооружаюсь. Автомат, два рожка, две гранаты, опасно прикрепленные к ремню. Забираю айфон главаря, благо тот не был заблокирован. И бегом.

— Ж-ж-ж! – жужжит над головой дрон.

Мне что-то хотят сказать. Беспилотник повисает, а потом резко рвет в одном и том же направлении, повторяя последовательность действий. Предлагают добровольно сдаться? Уже бегу и падаю! Действительно, бегу, правда в противоположном направлении.

— Тра-та-тра-та-та! – малыми очередями, по два-три патрона, стреляю в дрон.

— Есть! – люблюсь, когда чужая птичка падает на песчаную землю.

Тут же смотрю локацию на телефоне.

— Мля... Турция! – констатирую я.

Опять неудача. Свои трижды подумают, действовать ли на территории Турции. Если и решаться, то нужно время согласовать, потом обратиться к туркам, потом... У меня нет этого "потом".

Бежать по холодной земле, почти что в пустыне, не легко. Если босиком, так и вовсе невозможно. Ноги утопали. В берцах уже немало песка. Скоро его нужно или вытряхнуть, или натру мозоли. Но пока не останавливаюсь.

Через минут пятнадцать слышу шум. Новый дрон. Укрытие? Нет тут ничего, если только в песок не зарыться. Так что бегу. Не стоять же!

Звук приближающегося автомобиля еще через минут десять заставляет остановиться. Залегаю у ближайшего бархана. Может меня дрон не видит? Слился камуфляжем в рельефом? Конечно же надеяться на то, что не найдут, глупо. А вот на то, что найдут не сразу, можно. Нужно хоть во что-то верить!

— Ж-ж-ж! – дрон пролетает неподалеку.

Стрелять не могу. Обнаружу себя. Набираю номер...

— У-у-у! – длинный гудок кажется, что звучит дольше обычного.

— Да! – подымает трубку майор Мирский.

— Какманда, мля! Забирать меня будете? Кидаю локацию! – говорю я.

Машины турок или еще кого, кружат, как гиены, ожидающие смерти хищника. А над головой дрон, как тот ворон, что вьется. Черный ворон, твою мать, я не твой!

— Слав, – называет меня по позывному майор. – Ты в Турции!

— Мля, ты реально отупел? Я знаю.

Пауза... Не выдерживаю.

— Мирный, ты не понял? У меня флешка. Та, за которой я ехал.

— Три дрона искали тебя. Один сбили. Смотрю кто близко и у кого заряда хватит. Ты рядом с границей. Жди! – сказал майор.

Я сбросил. Уже и так, уверен, начали слушать айфон главаря. Что не отнять, противник у нас быстрый и не глупый. А что касается технологий, то мы догоняем. Вот только жаль, что не впереди. В связи проигрываем. Но компенсируем духом. И все равно побеждаем! Иначе нельзя.

У каждого поколения своя война. Наша уже идет. И не посраим дедов наших.

Эх, не добежал вон до тех руин древнего города. Там можно было бы спрятаться под каким поваленным камнем. Правда, и те, кому я нужен, догадаются, почему их дроны меня не находят. Вдали деревушка. Но там в первую очередь найдут.

С другой стороны от меня, справа, так же послышался гул автомобильного мотора. Это были не пикапы. Два бронированных автомобиля с турецкими флагами заходили с разных сторон. Скоро над головой жужжал один дрон, а два других подлетали.

Два других... Один дрон сходу врубился в тот, что уже висел надо мной.

Мля, не война, а оживший Скайнет терминатора. Дрон дерется с другим дроном. И пока один товарищ в железе и с пропеллерами вытесняет врага, другой ждет.

Быстро набираю телефон Мирного

— Ашшурбанациропал сын Нинурты Сикарты, – произносит пароль майор. – Сука, за такой пароль в морду бы тебе дать.

— Субординация, майор! – отвечаю я.

Нужно было проверить, чей дрон передо мной. И майор Мирский это понял. В морду он мне дать хочет. Ха! Да сколько спаррингов было, Мирный всегда отхватывал, как первоклашка от старшекласника.

Цепляю флешку к дрону. Тут есть USB порт, подходит. Не так это легко. Оператор явно профи, зависает на уровне головы. Но еще примостись, не сбей, не коснись лопастей. Я вдохнул, выдохнул, успокоил, хотя бы на время нервы. И... В детстве, тех, кто был метким, ну или почти попадал, называли “Джон Миллимитрон”. Вот я оказался таким Джоном. Попал и засунул флешку в порт.

Смотрю, как птичка стремительно пошла в сторону границы. Только бы турки не сбили. Но тут не граница, тут решето. Парни должны знать, как провести дроны незамеченными. Ну не разу же турки не замечали раньше! А то и я бы получил нагоняя от командования, и майор. Что не согласовывали полеты.

Второй наш дрон героически погиб. Зашел на повторную атаку, с разгона ударил, поверг врага, да и сам упал рядом.

— Спасибо, мой железный товарищ, надеюсь твой подвиг был не зря, – сказал я.

Хотелось поднять железку, отнести на ремонт. Ведь мне увеличивали шансы. Мол, беги, Слав, беги! Некуда... Потратил я время на отправку флешки, когда еще можно было попробовать бежать.

Но с души словно камень слетел. Я отдал флешку с документами. Теперь только я и есть тот документ, который может достаться врагу. Знаю, как бы не больше, чем было на флеш-карте.

И я в ловушке. С Турцией у нас множество различных соглашений и вроде бы как войны нет. Но это отнюдь не значит, что мне можно сдать туркам и надеяться на что-то хорошее. Мне уже не на что надеяться. Если бы группа вышла, то Мирный об этом обязательно сказал.

Я уверен, что если меня возьмут, то распотрошат, напичкают химией, превратят в овощ. Узнают всё что им нужно, если у меня конечно же не получится скрыть информацию и закрыть сознание. А потом убьют.

Я было дернулся, но понял, что бежать просто некуда. Ну было бы три-четыре километра до границы и знать, что там встретят, то пробовал бы. А тут пустыня, ну или полупустыня. И Турция – а это, как ни крути, несколько большие возможности, чем у пустынных бандитов. Это армия, натовские спутники, даже авиация. Не удивлюсь, если услышу шум вертолета.

Один из броневедомобилей медленно, но целенаправленно приближался ко мне. Встать и бежать – это лишь приближаться к другой машине турок, может и к пикапу пустынных бандитов. Ненавижу пустыню и степь. В лесу все же попробовал бы скрыться среди деревьев.

Телефон отследили? Скорее всего. Но я вынужден был. Я информационную бомбу возвращал на Родину.

— Руйский ты сдаваться! – кричал громкоговоритель одной из машин.

Два турецких бронированных автомобилей остановились в метрах двухсот и пока не приближались. Вдали показался ещё один пикап, потом ещё один...

Не кисло они меня обложили! Вот он – мой момент истины! Время принятия самого важного решения. Моего личного решения, а не повиноваться приказу.

— Руйский, нет делать глупость. Мы тебя отдать руйский командования, – вещал матюгальник.

Вот же обезьяны иноземные! И не дают побыть наедине со своими мыслями. А ведь так хотелось выкрикнуть, что Русские не сдаются. Но не стал делать поспешных выводов и окончательно рушить возможности и вероятности.

— Сдаюсь! – выкрикнул я.

Поднял руки. В правой автомат. Встал. Посмотрел на небо. Очередной дрон жужжал и раздражал. Была бы палка или камень в руках, запустил бы. Но не стану стрелять, не буду провоцировать выстрелами врага. Пошел к ближайшей машине. Почему-то подумалось, что выше есть и наши “глаза” и вот они-то и пишут. Это туркам не нужен компромат. Нашим очень даже. И я дам эту возможность, чтобы после прижать турку. После того, как...

Ведь они теперь видят мое предательство...

— Ты правильна делать, руйский. Мы связаться с твой командир! – подбадривал меня голос в громкоговорителе. – Ты скоро быть в Россия.

С кем он там связался? Неужели я похож на идиота, что можно такое говорить? Ни с кем они связываться не станут, нарушая все договоренности самим фактом охотой на меня.

Я прошёл ещё метров пятьдесят. Хотелось бы надеяться, что из бронированных автомобилей выбегут мне навстречу бойцы.

Но... Никто не выбегал. Боятся. Вышли из машины бойцы, спрятались за броню. Ждут.

— Автомат оставить! – уже в третий раз требовал матюгальник

— Тра-та-та! – дал автоматной очередь в небо турецкий офицер.

Ай как хорошо! Турки, именно что турки, стреляли. Пусть чуть в сторону, или в небо. Но стрельба была от них. А там смонтируют нужную картинку. И предъявят туркам. Может меня не так сильно будут проклинать?

Подчинился. Положил автомат. Ещё пятьдесят метров неспешной ходьбы. Я прихрамывал. Хотя ноги не болели, делал вид. Хотелось оттянуть время.

Эх, не посадил я дерево, не вырастил сына. А стоит ли считать мою двушку в Ростове-на-Дону и трёшку в Питере тем самым домом, который я построил? Не вышло у меня создать семью. А без нее дом – это холодный камень. Так... бездушное имущество.

Пятьдесят метров до турецких броневедомобилей. Уже замечаю, как один из турок достает наручники. Ну что ж... А это не сложно, если верить в то, что делаешь, если знаешь, что самопожертвование не напрасно.

Сорок метров... Завожу руки за спину, приподнимаю куртку. Там, прямо за ремень кольцами, очень опасно, прикрепил гранаты. Дёргаю две лимонки одновременно, кольца остаются в ремне. Разжимаю рычаг.

— На! – метаю одну гранату.

Тут же переключиваю в правую руку и второй “подарок”.

— Тра-та-та! - турецкие бойцы открывают по мне огонь.

Ах, какой контент для съемки! Еще бы и крупным планом. Заваливаюсь. Граната остаётся в руке. Понимаю, что я всего лишь ранен, что пули попали в живот и в ногу. Эти суки выходят меня. А потом... Нет, не будет этого! Разжимаю рычаг... щелкает пружина бойка...

— Бабах! – взрывается моя первая граната.

С удовлетворением понимаю, что она достигла цели. Машину я не взорвал. Да это и почти невозможно. А вот кому-нибудь из турецких стрелков явно кровь пустил. Уже отомщен.

Отче наш! Иже еси...

— Бабах! – вторая граната разрывается в руках.

Темнота... Свет...

* * *

Город Дара

Осень 530 года

Свет. Яркий свет бьет в глаза. Приподымаюсь, опираясь правой рукой на жаркий песок. Той рукой, которую должно было оторвать. И я даже начинал чувствовать боль. Но... Странные многие звуки врываются в голову. Не разобрать что происходит. Оглядываюсь.

— Что за хрень? – выкрикиваю я, стараясь уйти в сторону.

Весь в сверкающем на солнце железе, конь прет на меня, словно бы он танк и вместо дула торчит длинное копьё всадника. Понятно, что попасться на дороге такому, все равно, что под гусеницы танка лечь.

Всадника не видно, но он явно предполагается. Спрятался за конскую шею.

Неуклюже ухожу в сторону, понимаю, что копьё достать может и здесь, прыгаю в перекат. Но получается только кулем упасть и прокрутиться на песке. Я в железе! И не сразу это осознал.

— Андрей, бейся! – слышу я крик издали.

Странный говор. Все понятно, но язык...

Да что тут происходит? С чего биться-то? С кем? Где враги?

Глава 2

Крепость Дара

15 июня 530 года

Копье втыкается в то место, где я только что был. Все же чуйка сработала. Вижу другое копьё, лежит в трех метрах от меня. Конь проскакал мимо. Разворачивается. Идет на вторую атаку. Все еще не понимаю, что происходит. Да и не до размышлений. Полная концентрация.

Шаг, шаг. Подхватываю копьё. Неудобно, конечно, никогда не тренировался древковым оружием. Шестом – да, баловался. Металлическая “машина” фырчит, бьет копытом в предвкушении. Всадник ударяет животному по бокам. Медленно, но ускоряясь, конь вновь прет на меня.

— Ну, давай! – кричу я.

Что за язык? Понимаю, что говорю, но ведь это иностранный. Или диалект... Русский... славянский. Но все потом, сейчас...

Где он взял второе копьё? То оружие так и торчит в песке. Ситуация сложнее. Без копьё всадник мне бы понравился больше. А так он мне что, нравится? Щит. Вот он мне нужен. Быстро беру круглый щит. Деревянный, обшитый кожей. Выдержит ли? Но менять решение некогда.

Стою. Жду. Метров пять до коня. Чуть смещаюсь в сторону. Запрокидываю щит вверх, на голову. Вставляю свое копьё в землю, другой конец держу крепко.

Удар... Мля, больно же! Но всадник бьет в щит. Тот трещит, но выдерживает удар. Что не скажешь про мою руку. Ушибся точно. Такая отдача от удара копьё!

Тут же конь цепляется о подставленное копьё. Животное прет дальше. Я удерживаю копьё, но заваливаюсь с ним в руках. Треск, древко моего оружия ломается. Но и конь заплетается, рушится исполин. А его всадник кубарем летит в сторону.

Встаю. Беру обломок своего копьё и быстро подхожу к врагу. Рыцарь, или кто он такой, лежит на спине. Шлем покосило, но один глаз противника я вижу. Молящий взгляд. Каждому живому существу, даже тому, кто казалось готов умирать, все равно жизнь дорога. И меня беззвучно молят о пощаде.

— Вставай! – говорю я.

Одновременно смотрю вокруг. Что за место? Похоже, что есть какие-то схожие черты места с тем, где я погиб. Погиб? Да я живее всех живых. Такой легкости не ощущал... Да и не помню, когда раньше.

Мужик в железе застонал и стал все более оживленно шевелиться.

Черт его знает, что происходит. Но вот так, за здорово живешь лишать жизни человека? Да и вдруг это фестиваль такой... реалистичный. Тут организаторов нудно на копьё насаживать, как бы это не звучало двусмысленно.

— Убей! Убей! – кричал, наверное, мне.

Очередной “киношедевр” про гладиаторов снимают?

— Аве Цезарь! Идущий на смерть приветствует тебя! – выкрикнул я, ходя вокруг поверженного соперника.

Что-то мне кажется – вон те мужики в льняных рубахах переигрывают. Так рьяно кричать об убийстве... Наберут, мля, массовку.

— Срази его! – кричат из толпы.

Мой соперник встает. С трудом, опираясь на руки. И что делать? Толпа ликует убить. А с хрена ли я должен повиноваться толпе?

Подхожу к мужику, подаю ему руку.

Лезвие согнутого клинка рассекает воздух в том месте, где только что была моя рука.

— Что происходит? – спрашиваю я вначале на русском языке.

Отклика нет.

Против меня выставили что-то похожее то ли на ятаган, то ли на тяжелую саблю. Я пачусь от мужика, повторяя все ту же фразу, но теперь на разных языках.

— Что происходит? – говорю на арабийском диалекте арабского языка.

— Я тебя убиваю, грязный склавин, – прорычал мужик.

— Ты саблю спрячь, а то рассержусь, – говорю я, начиная идти по кругу.

Вот же человек! Ну только что молил о пощаде. Да молчал, но тот взгляд сложно спутать.

И тут он делает рывок в мою сторону. Двумя шагами ухожу влево, лезвие вновь чуть меня не задевает. Сгибаюсь, беру песок и кидаю его в лицо мужику в железе. Да, там наносник, там и подбородок прикрыт железом. Но глаза у мужика открыты.

Он морщится и я, разбегаясь, отталкиваюсь и двумя ногами бью в грудь мужика. Он заваливается, сабля улетает в сторону. Не хочу убивать, но вот по морде настучать, чтобы охладить пыл, я должен. Кожаные ремешки перерезаю наконечником копья и снимаю шлем у мужика. Темноволосый, смуглый, с большим выразительным орлиным носом. Не русская физиономия. Тем легче.

— На! На! – оседлав “железного человека” лупашу его по лицу.

— Убей! Убей! – орет толпа с одной стороны.

Сыплет проклятиями толпа с противоположной стороны, где, видимо, болельщики моего оппонента.

Лицо противника в крови. Хватит...

Начинаю вставать. И тут... Я не понял, как почувствовал, но мужик в железе, уже лежащий на песке и должный ждать медиков, попытался пырнуть меня ножом.

Перехватываю его руку. Выбиваю нож. Завожу на болевой руку мужика, но ничего не выходит, несмотря на то, что доспехи на мужике были удивительно гибкими. Еще раз, уже с изрядной силой бью ему в нос. Такой выразительный... был. Сейчас покосившийся в сторону. Готов. Нокаут.

Встаю.

— Андрей! Андрей! – кричат в одной стороне толпа воинов.

В другой стороне тоже звуки. И вот этот язык мне было сложно разобрать. Фарси? Если и он, то очень отдаленно похожий. Но какие-то слова я разбираю. И вот эти мужики явно недовольны произошедшим.

Прохожу мимо еще одного поверженного воина. Этот был, словно брат-близнец вырубленного мной. По крайней мере, в таком же доспехе. Закрались предположения, что это я его так.

Я? А кто я? Смотрю на руки. Не мои. Руки – не самое то, по чем можно судить, я это или не я. Тут бы в зеркало взглянуть. Однако, словно бы не моя походка. Легкая, словно подпрыгиваю. Зрение лучше. У меня-то уже портилось и так далеко и отчётливо я не видел.

Подозрения, что я не в своем теле, уже считаю доказанными.

— Андрей! Андрей! – скандируют воины.

Оглядываюсь. Приходится щуриться. Яркое солнце будто бы специально только меня и выслеживает, чтобы слепить. Но замечаю, или чувствую, что... Место то, где я только что был. Вон тот взгорок, в километре. Там стоят воины, видимо, союзники мужика, что я только что оглушил.

А руины? Их нет! Но есть крепость, большая. Стены по метров двадцать в высоту. Под стенами ров с водой. Повсюду перекинута мостки через ров. Это... Это же руины.

Вон видно, как из скальной породы справа от крепости, торчат люди, словно бы нависают из окон. Но это, скорее, двери в те небольшие помещения, выдолбленные в небольшой скале,

которые я успел заметить... До вот только что и заметил, а потом картинка сменилась и я тут. Где?

Крехтя, словно тот старый дед, я подхватываю тело мужика. Он дышит, но не приходит в себя. Кровь хлещет из сломанного носа. Нужна срочно медицинская помощь. Иду в сторону скандирующих мое имя.

Оглянулся. С одной стороны, стоящие на холме, явно грозили оружием. И точно не призывали отобедать. По тону выкриков оттуда было понятно, что приятного мне вслед не кричат. Как бы не проклинают и не грозят карами небесным. Вычленил знакомое словно на фарси: “огонь”. Наверное посылают меня в пекло.

Стоять и дальше хлопать ресницами? Не умно. Идти? Да, но в ту сторону, где меня приветствуют. Посмотрел на небо. Прищурился от яркости солнца. Ни росчерков пролетевших самолетов, ни жужжащих дронов, не обнаружено.

Я шел и как-будто бы погружался в топи. Уже кое что начинал понимать, но отказывался верить.

— Врача! – кричу на обступающих меня людей.

Никого не волнует, что у меня на руках избитый человек.

— Помогите, мля! – начинаю злиться я.

Точно не пушинку на себе тащил. Хотя и силушки вроде бы как хватает.

Рядом был ров, оказалось, что и кроме того, с водой, вокруг крепости, есть другой, не особо глубокий, выдвинутый словно по центру. Я вступил на дощатый настил. Два толстых и длинных бревна соединяли края рва. На них набили грубо обтесанные доски.

Странно. Где такие бревна то взяли? Вокруг было немного деревьев, да и то, какие-то низкие, с пышной кроной, похожие на ивы, но вряд ли они.

— Вождь, давай помогу! – подскочил один молодой парень.

Светловолосый, с пронзительными яркими голубыми глазами.

Он вбежал на настил и конструкция чуть пошатнулась. Пришлось остановиться, а мужик, которого я не переставал тащить, чуть было не соскользнул и не упал вниз.

Парень перехватил у меня ношу. Словно бы камень сбросил с себя, стало легко. Я пошел вперед уверенно, стараясь быстрее перейти ров.

Словно засасывало в воронку. Вокруг становилось все больше людей. Но я шел. Ориентир – ворота крепости. Они не далеко, всего-то оставалось метров шестьсот. И сколько же людей! Тысячи! Мужики, радующиеся, как дети. Явно это их так осчастливила моя победа.

Дети? Присмотрелся я к таким детишкам... На лицах многих были шрамы, а внешний вид говорил, что я среди злых бандитов, ну или воинов, которые уже давно забыли, что могут выглядеть пристойно, и что можно было и помыться. Глазами зыркают, словно бы хотят напасть, или ждут нападения. Смеются беззубыми улыбками, явно же выбили зубы и не случайно. И вонь... Мыться тут явно не принято.

Что происходит? Где я? Здесь ответы вряд ли найду. Словно бы неадекватные люди кругом. Но должен же быть кто-то, с кого спросить. И я рассчитывал, что там, за воротами увижу привычную обстановку. Может быть и услышу: “Стоп! Снято!”

Навстречу выбежали пять воинов. Они были одеты в куда как более простые доспехи. Ну насколько я вообще могу в этом разбираться. Кожаная куртка, на которую нашили железные несимметричные пластины, наверняка хуже, чем защищающий почти что все тело металлический доспех. Бежавшие были в кожаных куртках, ну а поверженный мной воин в металле.

И я в металле. Железо на груди, спине, прикрывает пах. Да – это важно, чтобы килограмм-другой потратить железа. Металл был и на моих плечах и локтях. И если я вышел на бой в таком облачении, против мужика, что я обездвигил... То это словно бы бронированная машина против тяжелого танка. Сильно больше у меня открытых мест. И шлема нет.

Воины приближались. Я насторожился. Нашупал справа нож в ножнах. Большой такой нож. Меч, не иначе. Но доставать не стал. Хотя установку в мозг послал, чтобы сделать это как можно быстрее при необходимости.

— Андрей, ну как же! А забрать добычу? Это же твое! Оно дорого, как дом в Зеленом квартале Константинополя. Хочешь, я заберу для тебя? – обратился ко мне один из подбежавших. – И зачем ты его тащишь сюда? Бессмертный убьет себя, но рабом не станет. Зачем такой раб?

Как ответить? Понимать я понимаю. А говорить? Напрягся, но сказал.

— Делай, что должно. Потом доложишь! – говорю я и еще больше удивляюсь.

Говорю понятно для подбежавшего! Тот кивает, кричит другим. Я не смотрю, что там происходит. Не интересно. Мне нужен тот, кто объяснит.

— Тяжко! – кричит тот парень, который вызвался помочь тащить раненного мужика.

Толпа никуда не делать, но передо мной расступаются.

Напрягаюсь, замечаю, как мужик, избитый мной приходит в себя.

— А-а! – кричит какой-то неадекват.

Он толкает ближайших в толпе людей и устремляется к мужику в железе. Тот смотрит на всех шальными глазами, уже заплывавшими мощными синяками. И тут неадекват, черно-волосый, с вплетенными в волосы кожаными ремешками, замахивается саблей.

Не успеваю. Я в пяти метрах.

— А-а! – с криком мужик рубит моего подранка.

А потом наносит еще один удар, уже точный, разрезая шею...

— Ты что, сука, сделал? – выкрикиваю я.

Несмотря на то, что у мужика окровавленная сабля, опущенная к земле, по лезвию которой стекает кровь, бью с правой в челюсть убийце. Его отбрасывает в толпу.

Тут же не менее двадцати мужиков, похожих на того неадеквата, начинают просачиваться сквозь толпу. Я извлек меч. Неудобный, словно бы огромный кухонный нож. Но и это оружие.

Биться? Если придется. Мне лишние смерти не нужны. Но и спину показывать так себе перспектива.

— Что, мля, происходит? – кричу на русском языке.

Повторяю фразу на турецком. Нет, не собираются со мной разговаривать. Заставлю, если придется. А пока два десятка озлобленных лиц смотрели на меня, словно ожидая приказа навалиться скопом.

— Вождь, я здесь! – кричит кто-то на понятном мне языке.

Кто именно кричал, не столь важно, но то, что за моей спиной уже собралось не менее двадцати мужиков, – факт. Похоже, что они за меня. И я кто? Вождь? А кого?

* * *

Противостояние Рима и Парфии – главное политическое явление на Ближнем Востоке вот уж как несколько столетий. Сколько уже было войн, сколько побед и поражений с двух сторон! Но Риму так и не удалось продавить парфян-персов.

И вот новый виток борьбы. Возможно, что Рим ослаб, а на слабого всегда найдется сильный, чтобы покорить. Западная Римская империя занята варварами, ну и Восток уже не так силен, как это было в эпоху величия Рима. И вновь войны с персами, снова империи бросают вызов. И только ромейская, византийская, крепость Дара, расположенная на северо-западе Месопотамии – единственная твердыня, которая может остановить персидское войско.

Получится ли? Такой пестрой и нестройной армии Византия еще не имела. “Битва народов” – так можно было окрестить предстоящее сражение. Кого тут только не было: ромеи, герулы, гунны, армяне, лангобарды, остготы.... А еще и склавины. Зачем они тут, не понимал никто. Ну рослые, ну сильные на вид. Вот только ни мечей у них нет, ни брони... Голые. Что ж это за воины? Но и они готовились воевать.

Уже третий день византийские и персидские войска готовились сойтись в схватке. Сражение должно было произойти раньше, но персидский военачальник Пероз ждал существенного пополнения. Он затягивал сражение, молодой полководец Велизарий так же не хотел наступать. Его тактика могла быть только от обороны с опорой на крепость. Иначе поражение.

С приходом к власти императора Юстиниана, персам уже не так вольготно себя ощущать. И они решились показать ромеям силу, прежде чем те решатся атаковать. Но тогда персы могут быть не готовы к сражению

Правда, еще предшественник нынешнего правителя Византии, Флавий Юстин, начал строительство крепости Дара, как и других цитаделей вдоль ромейско-персидской границы. Но кто же скажет, что ныне здравствующий император не причастен к оборонительной линии?

Скоро... Очень скоро случится битва. И даже поединки, предложенные персами, говорят об этом.

Полководец, дука Мессопотамии, Велизарий посмотрел на схватку Адреса и лучших персидских воинов [*дука - военный наместник*]. Молодой военачальник, стоял на стене крепости Дара, но мог, пусть и без подробностей, рассмотреть происходящее в шести стадиях [*около 1,5 км*].

Сложно было найти воина среди всего войска византийского полководца, кто мог бы выйти против лучших “бессмертных” персидского военачальника Пероза. Хватает умелых, смелых воинов у Велизария. Но и слава о лучших бойцах “бессмертных” велика.

Однако, Адрес-склавин сразил одного воина копьем верхом на коне. Потом сам был сражен, но не убит, пусть так и показалось. И вот... Немыслимо, как Адрес победил опытного, да что там, лучшего, воина из персидских “бессмертных” полководца Пероза.

Велизария характеризовали склавина, как сильного и умелого воина. Адрес был из тех, кто хоть против дьявола выйдет драться. Сильный, смелый. Он был наставником по борьбе и бою без оружия не только среди своих соплеменников. И опытные воины из герулов, или гуннов, не гнушались взять урок у Адреса [*по свидетельствам Прокопия Кесарийского был некий славянин, Адрес - условно инструктор по борьбе, который вышел против лучших воинов персов*].

Склавин, предводитель небольшого отряда склавинов в войске Велизария, Адрес сегодня снискал себе славу. А еще он изрядно обогатился. Два великолепных коня, а у “бессмертных” иных и не бывает, достались наставнику по борьбе.

А два набора доспехов и два персидских лука, если продать, то можно и дом купить, пусть и в пригороде Константинополя, уж точно не в Зеленом квартале. Ну или комнаты в одном из кварталов столицы ромеев. Велизарий точно знал цены на жилье в столице. Он мечтал о большом доме у порта, с видом на Босфор.

Чуть больше трехсот воинов-склавинов, которыми командует Адрес, не имели сколь-нибудь важного значения во всей римской армии. Но всегда выполняли поставленные задачи. Были бы они еще и вооружены лучше... А то все оружие, считай что – это дротики.

— Славное начало, как предвестник великой победы! – сказал писарь, воин и главный хронист Велизария, Прокопий.

Он часто находился рядом с молодым полководцем. Бывало, что и советы давал. Но чаще все же писал, готовил свое бессмертное произведение.

— Да, и я вижу в том знак. Двоих “бессмертных” сразил склавин Адрес. И моего войска в два раза меньше персидского. Если Господь будет благосклонным, то одолеем персов, – сказал Велизарий.

— Господь благосклонен к молящим его, – ответил Прокопий. – Расскажи мне об этом воине, чтобы я смог написать о нем.

— Ступай в Бездну! Не пресстало мне еще тебе надиктовывать. Завтра сражение. Недосуг мне.

— Но как ты отблагодаришь этого воина? – Прокопий сделал вид, что не обиделся.

— А разве великая честь первым сразить перса – уже не награда? – не без сарказма сказал Велизарий.

Прокопий поклонился и пошел прочь. Он сам будет участвовать в сражении. Нужно отдохнуть, а сперва так и вина выпить, причем не разбавленного, чтобы лучше уснуть и прогнать страхи.

— Арташес! – позвал своего подручного Велизарий.

Могучий воин-армянин всегда находился рядом, но удивительным образом не попадался на глаза полководцу.

— Слушаю, тебя, дука, – словно бы неоткуда вынырнул великан Арташес.

— Приведи ко мне того воина, что один сразил двух “бессмертных”, – повелел Велизарий.

Подручный поклонился и тут же отправился исполнять волю своего господина.

В комнату, продуваемую сквозняком, с колышущимися белыми занавесками, зашла женщина. Статная, блестящая в полупрозрачной тунике. Эта знатная дама блестела не от пота, как остальные женщины, что были в крепости, а от благовоний на основе масла. А в сравнении с другими женщинами, она сияла, как ангел. Да тут и нет равных ухоженной даме, это только в Константинополе.

— Склавин победил двух бессмертных! Какая нелепость! – сказала Антонина, жена Велизария.

— Но он могуч. Это не отнять. А мне нужно было хоть как-то объяснить, почему в войске отряд, который кроме как метать дротики и мало что может, – сказал Велизарий, подойдя к своей жене сзади и поглаживая ее оголенные плечи, спускаясь все ниже, обводя гибкое женское тело своими натруженными руками тренированного воина.

Антонина притворно застонала, прижимаясь своим телом к мужнему. Стала ластиться, как кошка. Ну или виться, как змея. Оба образа подходили моменту одинаково точно.

— Ты... ах... – Антонина томно вздохнула, когда Велизарий стал задира́ть полы туники. – Обожди. Все будет. Но скажи мне, муж: а ты собираешься оставаться дукой Месопотамии? Или после битвы отдашь провинцию Суникасу, этому грязному гунну? Как вообще можно было допустить, чтобы гунн стал управлять богатой ромейской провинцией?

Велизарий отстранился. Вот только желание стало накатывать на него, а тут... Опять проблемы.

— Что ты предлагаешь? – спросил полководец, полагая, что его жена уже что-то придумала.

— Подставить этого склавина Суникасу, и пусть гунн растерзает Андреса, – выдала основу интриги Антонина.

— Я намеривался склавина звать к себе в телохранители, в букелларии, – задумчиво сказал Велизарий. – Но сперва я хотел бы выслушать тебя. Поведай, как можно подставить склавина, при этом не допустить возвращения провинции под управление гунна Суникаса

Глава 3

Крепость Дара
16 июня 530 года

Передо мной стояли явно выстроившись для атаки, люди азиатской наружности, опоясанные меховыми шкурками. На секундочку, солнце палило нещадно. Того и гляди можно было получить ожог, если касаться железных доспехов. А они еще и с мехами.

— Вождь, я с тобой! – еще раз выкрикнул поравнявшийся со мной паренек.

Обернулся посмотреть на своего “защитника”. Курносый, рыжеватый и весь бывший в веснушках, парень, был невысокого роста, еще не вошедший в силу, даже худощавый. И явно пацан-пацаном. Ну если у меня такие защитники, но мне хана.

— Я нынче, когда узрел, что ты со мной, спокоен! – сказал я через плечо, наблюдая за движениями обнаженных длинных ножей азиатов.

Конечно же, это был сарказм. Но парень выкатил грудь, крепко, до красноты костяшек, сжал нож. Подзатыльник бы ему дать, да прогнать прочь. Но нужно контролировать готовых драться азиатов.

— Стоять! – скомандовал низкорослый азиат, выходя вперед, обнажив ножи.

Остальные вероятные противники попятились назад. Причем еще и головы склонили. Явно уважают этого мужика, косолапого, прихрамывающего на левую ногу. Но вид был такой боевитый и грозный, что я расхотел шутить над “хромоножкой”.

— Не гневись, – начал на греческом языке говорить низкорослый воин, с ярким шрамом на левой щеке и косым глазом, рядом с которым тоже был шрам. – Видел я, как ты сразил двух “бессмертных”. Это подвластно только сильному воину, любимого богами. Мой воин...

Человек со шрамами посмотрел через плечо. Дождался кивка головой от того, что убил человека, и который за это получил в челюсть от меня.

— Тебе выплатят виру за убийство твоего раба, – продолжил говорить невысокий ростом, но явно высокий статусом, воин. – Не вини воина моего. Вчера на дозоре “бессмертные” убили его брата.

Вот так? Кино продолжается? Похоже что я попал. Год-то какой? Но этот вопрос задавать я посчитал опасным.

— Не стану винить. Выплату за убийство возьму, – сказал я, принимая правила игры.

Низкорослый предводитель отряда, с которым я чуть не схватился, развернулся и пошел прочь, быстро перебирая своими скривленными ногами. А еще и шаря, то ли прихрамывая, то ли все же подволакивая ногу.

Я развернулся. За моей спиной стояли уже не менее пяти десятков воинов. Все равны, как на подбор, с ними дядька... Андрей Дунайцев, то есть я. Впрочем, впечатление, что они похожи друг на друга складывалось от одинаковости одежды, или цвета волос. Хотя были воины и с более темными волосами. Но в основном – светло-русые, в льняных рубахах, с поясами, увешенными всякими мешочками, ножнами, кольцами.

— Вождь, мы тех гуннов помяли бы. Ты учил как, – хорохорился парнишка, так и не отходивший от меня.

Моя “надежда”, мой “защитник” – мое чуть улучшенное настроение. С таким воякой уж точно помяли бы всех и каждого. Смешной парень.

— Не хвались идя на рать, а хвались, идя с рати! – изрек я мудрость.

— С чего?

— С рати! – сказал я, не сразу осмыслив некоторое созвучие слов.

— Так я... Не посрамил бы, дрался бы. Военный вождь, то был сам Суникос, предводитель всех гуннов в войске дуки, – сказал рослый мужик из моих союзников. – Он дукой был, покуда не прислали Велизария. Суникос славный воин.

То же мне... Суникус. Суни и откуси! Он должен быть для меня авторитетом? Я же вождь?

Если называют меня “военный вождь”, то это звучит все-таки не совсем, как на языке будущего. Я мог бы перевести даже не как “командир”, а что-то вроде... Во! Боярин! Так как это явно и титул и должность. Все же знание языка дает некоторое понимание и о происходящем. Нужно больше переводить слова на русский язык.

— Год сейчас какой? – спросил я.

Пусть что хотят думают обо мне, или просто что прошу напомнить. Но нет уже спасу, нужно узнать главное.

— Это... я не знаю чисел таких, – смущенно сказал веснучатый парень.

— Как завещал дед Ленин, нужно учиться, учиться и еще раз учиться, – изрек я мудрость.

— А чей дед?

— Вообще всех пионеров, и трудящихся вроде как... Но ты забудь это, – ответил я.

— А ты знаешь лета какие нынче? – спросил я другого рядом стоящего мужика.

— Так шесть тысяч три десятка и восемь. Вот такое лето, – долго думая, но все же ответил мне рослый воин.

И? Какой это год? Хотелось переспросить, как там дела после рождения Христа. Но, судя по берегам, упоминанию богов, про Иисуса стоит повременить спрашивать. Но это все равно где-то... Древность какая-то.

Каждый человек закрывается от проблем по-своему. Я, порой, и юмором. Но не столько закрываюсь, как не позволяю себе же проявлять волнение. Иначе стоило бы рвать и метать. И того Суникаса за компанию.

Невольно, но я все равно посматривал на небо, ожидая услышать, или увидеть дрон. Смотреть кроме как вверх не получалось. Кругом галдящие люди. Я даже признался себе, что не прочь услышать и гул вражеского беспилотника, не то, что своего. Думать о том, что произошло, становилось все более страшно. Смерти не боюсь, ничего не боюсь, а тут...

— Показывай дорогу, воин! – с сарказмом обратился я к парнишке.

Он подвоха в моих словах не понял.

Стоять здесь, на месте, никакого смысла не было. Мне вообще придется искать смыслы и цели. Без них – никуда. Такой уж я человек. Мне нужно верить в то, что делаю, а не делать то, что диктует ситуация. Мне страна нужна, солдатом которой я буду. Византии? Что-то без энтузиазма. Березок хочется!

Крепость не впечатляла. Издали казалась больше, чем есть на самом деле. Стены ниже, чем могли быть, бойниц не было. Только над воротами возвышалась надстройка, откуда могут отрабатывать лучники. Да тут любую пушку подведи и дел на час. Так что вывод... Артиллерии нет. Но уже по доспехам можно было догадаться, что древность серьезная, как бы не до первых русских князей.

Тут же в голове всплыли те руины, что я видел в последние минуты, как подорвать себя. В той жизни... Да, местность несколько отличалась. Здесь все же больше зелени и растительности. Однако, явно не зима, тут лето, что так же вносило свою долю абсурда в происходящее. Ну была бы это постановка, можно понять многое. Но смену времени года? Вряд ли. Да и возвести крепость? Ради чего?

Значит все происходит на самом деле. И я прав, когда поинтересуюсь годом.

— Ты меня ведешь из крепости? – спросил я у своего сопровождающего.

Кстати, полсотни мужиков, тех, для кого я был военным вождем, плелись следом.

— В наш лагерь, вождь. Или куда ты хочешь идти? – спросил парень.

Я задумался...

— Господь подарил тебе победу. Знай об этом, поганец! Не хвали своих богов, воздай должное Христу! – нам дорогу преградил священник в рясе с крестом.

Он меня поганцем назвал?

Я женщин и священнослужителей не бью. Это принципиально. Но бывают в жизни моменты, когда стоит попуститься своими принципами. Жаль, но не сейчас.

— Примешь ли Христа в душу свою? – пробасил священник. – Прими и сравняйся в силе и славе с ромеями!

Молчу. Я христианин, православный. И веру чту. Мне перекрещиваться не стоит. Да и по всему видно меня не в католики вербуют, или в протестанты. Меня возвратить в лоно православной церкви желают.

— Отче, повремени с этим, – сказал я.

На меня обрушились взгляды. Недовольные со стороны светловолосых людей, удивленные со стороны брюнетов, что были со священником. Я назвал его “отцом”? И это вызвало непонимание? Нужно быть осторожнее, хотя бы с культами и с воинскими традициями. Иначе нарвусь.

Волнения не было. Появилась какая-то лихость, озорство.

— Отче я для тебя? Крестись, поганый! – словно почувствовав перед собой слабого человека, наседали поп.

А я улыбнулся. Ну, право слово, не рыдать же! Так что лучше психику перестроить в пользу интереса, игры.

— Отступи старик! – повелел я, недобро посмотрев на священника. – Не до тебя нынче.

Нехотя, но тот уступал дорогу. И может не столько меня испугался, сколько людей, что были со мной. Вот они священника не жаловали. Вывод? Христианства среди моего отряда нет. И я не должен быть таковым. Плохой я, наверное, православный. Но есть ситуации, когда нужно осмотреться, а не оставаться ограниченным и упертым.

Я еще прошел сколько-то шагов. Остановился. Нет, так дело не пойдет. Нужно узнавать обстановку.

— Мне нужно говорить с вождем всех этих воинов, – я провел рукой полукругом, охватывая скорее не своих “просторубашечников”, а снующих вокруг других бойцов.

Такое резкое решение принял не спонтанно. Нужно знать, кто всем этим большим количеством воинов командует. Спрашивать это у парня посчитал ошибкой. И без того не раз проявляю странности. А так я смогу узнать и эпоху и даже что тут происходит. Историю, тем более военную, я изучал плотно. Мало того, так и интересовался.

И были у меня предположения, кто именно стоит во главе всего этого бедлама. Если я прав, то хочу увидеть этого великого человека. Вдруг через час-другой я окажусь в будущем. Мозг категорично цеплялся за такую надежду. И не увидеть великого полководца? Довольствоваться только общением с Суни-укуси?

А еще, есть же достойная причина прибыть перед командованием. Я же вроде бы как герой! Пусть благодетельствуют.

— Ты хочешь к дуке пойти? Это мудро, вождь. Может, и женщину дадут, – мечтательно сказал парнишка.

Сколько ему лет, что так глаза блестят от упоминания легкодоступных дам? Эка тут с женщинами напряженка! Или у парня пубертатный период и гормоны водят хороводы?

— Вон... Один из телохранителей, трибун букеллариев дуки. Без него никак не пройти в башню, – говорил конопатый мальчишка.

Знает рыжий расклады. Полезный, оказывается.

Я тут же направился к тому трибуну. Почему-то это слово у меня перевести на русский не удалось. Но логика мне зачем? Явно же, что это офицер. А я вождь!

Тем более, что направление, куда идти, где лагерь моих соплеменников, я уже понимаю. Сам, если что, дойду. Но вот познакомиться с Велизарием... А я почти уверен, что это он здесь командует... Вот это нужно. Знакомство даст мне понятие, где я и в каком времени.

— Отправляйтесь в этот... в лагерь, табор, – повелел я своим сопровождающим.

— Вождь а я как? С тобой? – кричал в след парнишка. – Если что помогу выбрать женщину. Я знаю, как... Зубы смотреть надо.

Что-то путает рыжий. Никогда не выбирал себе женщину по зубам. Хотя, это было бы интересным опытом. Плохой прикус, все – свободна. И даже не важно, что и грудь шикарна и лицо, и... все остальное. Мне нужно уняться. А то приду к военачальнику, и потребую-таки дамочку себе. Ха! Женщину выбирать по зубам! Как лошадь какую. Да и вообще я против продажной любви.

— Следуй за мной, потом проводишь в лагерь. Вдруг кто обидит меня. А ты и защитишь! – сказал я и понял, что все сказанное мной парень воспринимает за чистую монету.

— Вождь, но я должен тебя сопровождать! – недоуменно сказал еще один воин.

— Вот и сопровождай, но на расстоянии, – сказал я и быстрым шагом направился к трибуну.

Этот букелларий, ну или гвардеец, чтобы проще было мне понять, был одет очень похоже на то, как изображают римлян. Даже красный плащ развевался сзади. Доспех был ярким, сверкающим, такой вроде бы назывался ламинарным. Юбка что ли на нем? Но так же натирать должно верхом на коне.

— Трибун! – сказал я, нагоняя воина. – Веди меня к дуке!

— Ты, варвар, не перепутал ничего? Я не раб твой и не твой воин, – ухмыляясь, сказал требун. – Проспись, вина что ли обпился?

— Веди военного вождя, сразившего двух “бессмертных”! – потребовал я.

Воин задумался. Потом посмотрел на небо, словно ища там ответ на невысказанный вопрос. Ну, не дроны же высматривал.

— Я и шел к тебе. Дука сам желал тебя видеть, – удивленно, что сошлись звезды, сказал воин. – Господь ли шутит так, что послал тебя ко мне?

— Почему стоим? Дука ждет! А я жду дуку! – сказал я, подгоняя трибуна.

Разные ситуации у меня случались ранее. Очень часто приходилось оказываться в абсолютно чуждых обществах. Уж тем более, когда стал служить по арабскому направлению. Так что и сейчас я нацепил на на лицо невозмутимость и проследовал к дуке.

— Андрес, проси у вождя вина! – выкрикнул кто-то из толпы светловолосых воинов.

Они не сразу все ушли. Стояли и ждали чего-то. Нет тут дисциплины. Я же приказал...

— Женщин на весь наш отряд склавинов требуй! – крикнул другой.

Вот! Склавин! Я – склавин. Я – славянин. Вот мои “березки”. Стало даже как-то легче. Не представляю быть кем-нибудь иным, чем своим, русским. Именно так! И плевать на то, что эти склавины, то есть мы, далеко от березок. Вернемся же домой! Хочу домой! Хоть бы и не в будущее, но в Россию. Хоть бы и сейчас, но... Куда-то, где есть славянские общины.

Воин шел впереди, и все расступались перед ним. Если на выходе из крепости уже народ рассосался, то тут были что-то вроде базара, ремесленной слободы, улицы распутных аморальных дамочек и даже закусовые.

И все же было где яблоку упасть. Не буду кривить душой и утверждать обратное. Но и только. А вот арбуз или тыква уже не поместились бы. Очень много людей для столь ограниченного пространства. Большинство были с оружием, в доспехе... этот... ламинарный.

Так что я даже в какой-то момент подумал, что это Древний Рим, какой город имперский. Хотя странный какой-то. Или мой образ, как должен выглядеть римлянин не соответствует действительности. Не помню, чтобы римляне... Стоп...

Флаг... Византия! Да, вроде бы такой стяг был у Восточной Римской империи. Крест на красном полотнище и двуглавый орел. Двуглавый орел!! Захотелось домой, в Россию. Вот до таких чертиков захотелось, что готов прямо тут заорать.

— Варвар! Выбери меня! – услышал я женский крик.

Спасительный, позволивший отвлечься от приступа патриотизма.

— Нет! Меня выбери, я лучше, я беззубая!

Странный критерий красоты, конечно... И вообще, по мнению рыжего паренька беззубая – это вовсе брак.

Но почему вообще я обязательно должен делать выбор? Вино, женщины. Такой тут подарок за то, что я чуть было не попал под копыта мощного коня? А не мало?

Мы шли дальше. Вокруг пахло явно не духами. Меня запахами сложно удивить. Но тут, словно следующий уровень издевательства, или экзамен моего обоняния. Конский навоз, человеческие отходы жизнедеятельности, специфический аромат немых тел. Рассадник болезней, да и только.

Однако в стороне, у противоположной части крепости, куда, судя по всему, я и шел, послышался аромат жаренного мяса. Как же я хотел есть! Живот отозвался бурчанием.

Скоро мы подошли к противоположной окраине крепости. Тут, если взобраться на стену, был вход в пристройку, словно вырастающую из стены внутрь периметра, как округлая опухоль.

Дорогу нам преградили воины. Вот эти бойцы выглядели грозно. И были они выше большинства людей. Доспехи, как на мой взгляд, не уступали тем, что были на убитом воине-бессмертном. Но закрывали почти все уязвимые места. Железные пластины тут были друг к другу подогнаны при помощи кожаных ремней. Подумал, что рапира проткнет такой доспех на раз. Но где же рапиру взять. Шилом что ли озаботится? Тыркать им в стальных бугаев?

— Андрес идет к дуке. По воле наместника! – сообщил мой сопровождающий.

По своей воле я шел. Но встречать не стал. Пусть так. Результат-то один – я где-то рядом с командующим всем этим бедламом.

— Дука ждет Андреса! – был ответ. – Сдайте оружие!

Словно бы пароль-ответ. Но, как вижу, – это манера общения. И все говорили с чуть приподнятым носом, словно бы гонорливые были, или чванливые.

У меня на поясе был меч, его передал стражнику. Не удосужился ранее рассмотреть, что за клинок. Сейчас посмотрел. Очень уж похож на древнеримский гладиус. Не функциональное оружие, как по мне. Но много ли я разбираюсь? Надеюсь, что хоть какое-то понятие имею. И уже настало время удлинения клинков.

Как про длинные клинки, так почему-то вспомнились дамы низкой социальной ответственности, что призывно махали. Это на меня так влияет общая истерия по поводу женщин, или какие-то изменения начинаются? Должно же сознание влиять на тело и организм. Так почему же это не может работать и в обратную сторону? Когда пертурбации в организме оказывают воздействие на сознание.

Поднялись по крутой лестнице. Прошли еще один пост. Тут меня еще раз осмотрели. Охрана работает, а я всегда уважал этот труд и службу, так что негатива обыск не вызвал. Было только щекотно. И вообще чесалось все тело. Жутко хотелось мыться.

Дальше была небольшая анфилада из трех небольших комнат, и открылось просторное помещение. Сравнительно, конечно, комната была в метров тридцать квадратов.

Первой я увидел женщину. Красивую, с темными, даже черными волосами, лет двадцати пяти, или даже моложе. Она не шла, словно плыла. Лыбедь, не иначе. И нет, я не восхитился, не подбираю образы. Это словно манера движений женщины. Подобному явно учат. Как в будущем манекенщиц дрессируют правильно ходить.

— Варвар, сокрушивший двух лучших воинов-персов... – говорила дамочка, обходя меня кругом и рассматривая, как товар. – Ты хорош!

— И ты красива, – не упустил я возможности охватить похабным взглядом женщину.

Она несколько смутилась. Не ожидала. Недешевая, видимо, дамочка. Сильно отличалась от тех, что выкрикивали из обставленных кругом телег, когда я шел сюда. Эта была еще, как мне кажется обмазана маслом, или кремами. Ее кожа отблескивала. Зубы... Вот, видимо, идеал для рыжего парнишки. Зубы у нее были белые и, что удивительно, как минимум передние, все на месте.

Женщина была одета в красную тунику, так, наверное, этот наряд называется. Черные волосы аккуратно уложены в сложную прическу с какими-то завитушками, перекрученными косами. Но красиво, не отнять. Как и сама матрона.

В руках у нее было вино. На каждом третьем шаге, а я посчитал, дама делала один глоток.

— Все? Вы рассмотрели меня? – сказал я. – Теперь и поговорить нужно.

— Рассмотрели? Ты понял, что нас двое? – женщина стала крутить по сторонам головой.
– Велизарий, выходи, он тебя увидел!

— Это невозможно, – сказал мужской голос. – Если только склавины не могут смотреть через стены.

Из-за одной из двух колон в комнате вышел мужчина.

Я, на самом деле, обращался в вежливой форме, на “вы”. Ну вбито это с малолетства. А тут... Принял. Понял, что такой формы обращения нет. Буду “тыкать”. Опять эти похабные мысли...

Велизарий... “Меч Рима” – так звали этого полководца. Не такой я уже и профан в истории. Нельзя не знать историю и служить так, как это делал я. В традиционных обществах Востока без знаний о прошлом сложно понимать настоящее.

Так что о великом полководце Византии, Велизарии, я знал. Не много, может то, что он был при императоре Юстиниане... Последняя попытка воссоздать Римскую империю осуществлялась полководческим гением этого человека. Что-то еще...

Я в прошлом, теперь принял ситуацию, не жду хлопшек и выбегающих людей с криками “розыгрыш”. Я некий Андреас, склавин. Славянин? К таким вывертам судьбы меня ни жизнь, ни академия ФСБ, не учили. Но - не повод расстраиваться.

Повод жить! Где мои березки? Нет их. А есть великий Велизарий. К черту его, нужно думать, как в березовую рощу попасть.

Глава 4

Крепость Дара

16 июня 6038 года (530)

Велизарий вышел из укрытия, предоставляя возможность себя рассмотреть. И я позволял это ему сделать. Пусть смотрит на меня. За спрос же не дают в нос! Так что с большим интересом смотрел на этого человека. Грек, или кто он там, римлянин, не ожидал от меня такой надменной реакции. Он пробовал смотреть на меня, как на забавную обезьянку в клетке? Так я отвечал тем же, может быть даже в большей степени.

Велизарий был без кубка с вином, или что там пьет дама. И то, что одет в легкую белую одежду, а не облачен в доспехи, не должно смущать. Передо мной воин. Причем тот, кто занимается своей подготовкой каждый день.

Поджарый, с “рабочей” мускулатурой. Велизарий, нынешний, или скорее будущий, великий полководец, двигался, словно прямо сейчас выбирал позицию для атаки. Мне подобные движения видны сразу. И взгляд... Мудрый, изучающий, анализирующий. Чуть насмешливым он бы только лишь в первые секунды.

Женщина смотрела с игривым любопытством. Этот наблюдал, думал.

— Ты меня понимаешь? Ты обратился к моей жене на греческом языке. И я вижу, что и сейчас понимаешь меня... – говорил мужчина.

— Да я понимаю. И ты дука, но я военный вождь склавинов. А ты знаешь мой язык? Я твой знаю, – с некоторым вызовом говорил я. – Почему я не могу язык твой знать?

И тут Велизарий заговорил на склавинском языке, изрядно меня удивляя.

— Я благодарен тебе за победу. И делаю предложение, – говорил Велизарий. – Ты можешь стать трибуном десятка в моем отряде букеллариев [*десятиником личной гвардии*].

Кого? Кем? Я же ничего, или почти ничего не понимаю. Нет с языком все в порядке. Но до конца предложение понятным не было. Предлагает кем-то стать при нем?

Это не моя страна, пусть герб Византии мне определенно нравится. Должен ли я воевать за эту державу? Или подумать куда сбежать? Буду думать. Нет, ну как же угораздило-то? На дворе шестой век! Хорошо, что я славянин. Проживать жизнь за араба, или еще кого, было бы вообще неприемлемо. Сложнее. Спился бы по-русски тогда, да песни про березки и кружащего воронья пел.

Ведь если тут есть славяне... Тут есть мой народ, мои корни. Так легче жить. Появляются хоть какие смыслы. А иначе нельзя. Не может человек такого склада ума, такой веры в свою страну, оставаться без земли, за которую грызть зубами надо.

А пока... я же варвар. Могу чего-то и не понять.

— Он издевается, – усмехнулась женщина, указывая в мою сторону. – Все он уразумел.

Ее забавляла, ситуация. Она хотела развлечься. Если это так, то в чем дело? Вон сколько мужиков за окном. Развлекут так, что надолго хватит, выжила бы.

К слову, и нет окон вовсе. Двери были, еще и отверстия в стенах, больше похожие на бойницы. Легкие светлые прозрачные шторы-занавески тревожились сквозняком. Вот тут я бы пожил. Не жарко, смотрю, что и сытно. На столе лежали грозди винограда, тут же лаваш, ну или лепешки, на большом подносе вальяжно разлеглись куски дурманящего мяса.

— Ты хочешь есть? – спросил Велизарий, но не дождался моего ответа продолжил: – Все мои букелларии едят сытно и каждый день и хлеб и мясо.

И все же нужно что-то говорить, ответить на предложение.

— Нет, дука. Не только ради еды живет мужчина. Я вождь, у меня есть за кого отвечать и кого вести в бой, – сказал я.

— Подумай! Иди к своим склавинам и думай. Я же сам... Мать моей матери была склавинкой, – заметил Велизарий. – Но мало кто может говорить с такой уверенностью, как я, что верен империи и василевсу.

— Если ты будешь ждать моего ответа, то не утруждайся. Я его уже произнес. Мужчина говорит раз и поступает, как сказал. Иначе его слова обесцениваются, – сказал я.

Велизарий переглянулся с женщиной.

— Ты учился в ромейском лицее? Или откуда такая мудрость? – спросила дамочка.

— Из жизни, – ответил я. – И не думаешь ли ты, что все вокруг глупцы?

Дамочка хмыкнула, еще более пристально начав меня изучать своими блудливыми глазами. Вот видно же сразу, что стерва!

Велизарий показал на стол.

— Возьми с собой то, что хочешь, – сказал он.

— Как гость? То и ты преломи со мной хлеб. Как твой слуга? Так мне крошки со стола не нужны, уж прости. Видимо, ты плохо знаешь склавинов. Мы люди с честью, – сказал я.

Да и сам не знал я, какие они – склавины. Но что для меня незыблемо – это достоинство. Иди, мол, поешь с барского стола! Ну как это? Для меня – неприемлемо. Как кость бросили псу, он ее выкачал в земле и все равно грызет. Я не пес.

Велизарий махнул рукой, тут же выбежал, до того прятаявшийся в углу, слуга. Командующий указал в сторону стола, потом последовал повелительный жест в мою сторону. Словно бы слуга был глухим. Пантомима, мля. Этот... мэм... мим. Мэм тут, как и барыня, по всей видимости дамочка.

Мне поднесли вино, кусок мяса, завернутый небрежно в лаваш. Не шаурма (шаверма), точно. Майонеза с кетчупом не хватает. А мясо – баранина. Подойдет. Наверное тут свинины и не найти. А как же я по ней соскучился! Долго в этих краях обитаю, где свиньями только пугают. Милые создания. А пьяным хозяин в хлев войдет, так свинья еще и ездовым животным.

— Вино разбавленное. Но варвары же пьют вино крепкое? – Велизарий, наверное хотел завести со мной светскую беседу.

— Мы, варвары, без повода или здравии, вино не пьем. Так что позволь, дука, мне выпить за тебя, за такого щедрого военачальника, который за подвиги одаривает всех, кто вступился за тебя, – сказал я.

— Да он издевается! – уже не так веселясь воскликнула женщина.

Конечно издеваюсь. Вот это щедрость – вина налить. К слову, не очень-то и приятного на вкус, наверное потому, что было сильно разбавлено водой станет.

Выпил вино, даже особо и не заметил, как проглотил мясо с лепешкой. Что дальше? Награды будут?

— Ты хочешь серебра? Так зачем оно тебе? Завтра сражение. Если мы одолеем, то возьмешь у персов... пусть бы на десять долей больше добыча будет твоей. Ну а не одолеем, так и умрем. А мертвым серебро ни к чему, – весьма резонно заметил Велизарий.

Завтра бой? Ну да это можно было предположить. И что мне делать? Воевать? Да и ладно, не впервой. Вот только это же совершенно иная война. Например, я не умею стрелять из лука. Так, на отдыхе как-то пробовал. Да, нет же – не умею. А вот с другого оружия пострелять могу.

Я уже повернулся, чтобы пойти, но полководец окликнул меня:

— Можешь выбрать женщину, взять, сколько унесешь, мяса, хлеба, или вина. Арташес проведет тебя на склад, – сказал Велизарий и махнул рукой в сторону дверей. – Это не кость, брошенная. Эта еда взамен той силе, что тобой потрачена в бою с бессмертными.

Я нахмурился.

— Я не как слуге тебе предлагаю. А как вольному человеку, воину, – уже явно раздражаясь, сказал Велизарий.

— Как военному вождю? – уточнил я, намекая, что мой титул что-то значит.

На самом деле, я и не знал, стоит ли мой титул, должность, чего-нибудь. Но ведь не столько титул украшает человека, по крайней мере, в раннем средневековье, сколько человек наполняет смыслами то, как к нему обращаются. Если я позиционирую себя, как гордого военного вождя, то и Вождь – звучит гордо.

— Будь по твоему... – усмехнулся Велизарий, переглянувшись с женщиной. – Ты вождь. И прими дары от меня.

Тон мне не понравился. Вот так же общаются с пятилетними детьми, которые на чем-то настаивают, а родители решают поддержать свои чада и потакают им. Но усугублять я не хотел.

Да и понимал: чтобы заслужить уважение к себе, нужно совершать поступки. Много или мало, что я победил двух персов? Вот когда получится еще раз отличиться, то и можно разобратся в вопросе.

Я уходил, не поклонившись. Вряд ли мне, склавину, дука указ. Мы, как я понимаю, временные союзники. По сути, наемный отряд. Но не в полном подчинении у Велизария, как бы я его заочно не уважал, предполагая будущее этого человека.

Хмурый Арташес-армянин вел меня по лестнице вниз. В этой пристройке, как оказалось, и был тот склад, заглянуть на который мне предлагали. Никакого вина не нужно, я бы и от женщины отказался. Но мало ли как это могли оценить. Греки все-таки. Они первые, кто европейские ценности пихал, противно подумать, куда именно.

— Бери суму! Ты храбро дрался, – прорычал мой сопровождающий и отчего-то стыдливо отвернулся.

Не понял почему. Может стыдно могучему воину, что не он вышел против двоих персидских воинов? Выглядит, как мощный исполин, даже по сравнению со мной, в теле далеко не задохлика. Но вот не вышел же на бой.

Сумка была тряпичной. Вряд ли много можно было бы в нее вложить. Однако, я постарался. Хлеб, оливки, увидел уксус, взял. Вяленое мясо, как наиболее калорийный продукт, подойдет так же. Мне на дней пять хватит полноценно есть. Одному. Но, как завещал товарищ Ленин, нужно делиться. Или он этого не завещал, но по детству помню такую присказку.

— Пришлешь сегодня для еды и своих людей ко мне. Я дам им вдоволь и лучшее, – сказал Арташес.

— Спаси Бог! – сказал я, но все же решил уточнить, почему такие привилегии.

Мало ли, и я буду должен. И чем расплачиваться?

— Почему ты такой добрый ко мне? – задал я вопрос.

— Я должен был идти на бой с тобой. Дука не отпустил. Ты бился против двоих. Но вины моей нет. Я под властью дуки, в том клялся, – сказал Арташес.

А я-то думал, что какой-то бой совсем не честный. Двое на одного? Получается, что этот великан словно бы струсил, оставил меня умирать. Так что должен куда как больше, чем поесть. Может и будет случай, когда я предъявлю свои претензии. Но не сейчас. Мир познать нужно сперва [*в реальной истории то же было странно, что на одного Андреса, двое “бессмертных” вышли*].

Скоро я был у крепостных стен и смотрел по сторонам. А вот и мои “просторубашечники”!

— Чем одарил тебя дука Велизарий? – спросил подошедший ко мне мужик.

Это был тот, который утверждал, что обязан меня сопровождать. Но увидел я и других воинов, которых можно было бы спутать со склавинами. И они были бледноватые кожей, светло-русые, рыжие. И, как мне показалось, одного со мной роду-племени. Но нет, эти были другими, говорили явно на немецком языке, одном из диалектов. Вот их я понимал очень плохо.

— Так что же дал тебе Велизарий? Разрешил взять женщину? – не унимался мужик-склавин.

И, судя по всему, имел право спрашивать меня. Ладно, ответим:

— Да, женщину разрешил взять и еду, – сказал я и показал сумку.

— Бери Данарис. Она самая дорогая. И почему я вместо тебя не пошёл на бой? – сказал мужик, лишь бросив взгляд на сумку с едой.

— Вот же имя у нее! – заметил еще один воин и рассмеялся [*Данарис означает “телка”*].

— Она лучшая! – взбеленился почитатель Данарис.

Это же как припекло его без женщины, что готов умереть, только бы побыть с какой-нибудь, как сказал президент покинутой мной страны, "женщиной с низкой социальной ответственностью". И не до конца я понял, чего все смеются. Имя женское смешное? По мне, так... С греческого Данарис - телка. Данарис, Дайнэрис... Это из известного сериала. Вот мне интересно, а греки сильно смеялись с имени главной героини кино?

— А сколько она стоит? – спросил я.

Нет, не для того спрашиваю, что я хочу эту дамочку купить себе. Я исхожу из того, что здесь мне быть, возможно, долго. Не знаю, на что нужно надеяться, чтобы вновь попасть в своё время. Так что нужно всеми правдами и неправдами, но начинать познавать этот мир. Ну и чего спрашивать-то о стоимости, пока рыжий парнишка зубы у дамы не проверил?

— Так откуда я знаю? Ты наш военный вождь и только у тебя достаточно серебра, чтобы купить себе такую дорогую женщину. А если дука сказал, то можешь выбрать любую, – мужик приблизился ко мне и заговорчески сказал: – Но самая лучшая женщина в крепости – Антонина, жена Велизария. Попробуй скажи ему, что выбрал Антонину.

Сказав это, мужик громоподобно засмеялся. Да так откровенно, что через некоторое время уже держался за живот. Не сильно забавно было, но, по крайней мере, местный уровень юмора мне теперь понятен.

— Проведи меня в то место, где находятся мои войны, – повелел я.

Мужик вышел чуть-чуть вперёд и задал вектор движения. Рыжий парнишка явно ступал под взглядом этого мужика, что составил мне компанию. Так что конопатый плелся сзади.

Мы направлялись из крепости. Вполне можно было предположить, что внутри стен разместиться все войска не могут. Я не считал, сколько воинов мне попадалось на пути. Не мог точно сказать, сколько их было возле стен крепости, когда я сражался. Но складывалось впечатление что дах... много в общем, тысячи.

В городе было грязно. То тут, то там лежали, и не убирались кучи всякого непотребства, прежде всего, конского. Тут же валялись обглоданные кости, скорее всего, барана. Видел я и крысу, которая неспеша пробегала между людьми. Только потехи ради один из воинов, облаченный в доспех и красный плащ, пнул хвостатую, отправляя ее в полет на какого-то воина. Скорее, на своего же товарища. Между ними началась перепалка.

Они меня считают варваром? Для меня все увиденное никак не приемлемо, и поведение людей, и общая антисанитария. А потом будут на Бога пинать, что он допустил чуму. Кстати вспомнилось, что при чуме всех жриц любви убивали, считали, что это они Бога разгневали. Так что Данарис, если что, первая под нож или на костер пойдет.

Впрочем, не так уж и не верно считать, что дамы разносят хвори. Если только болезни – венерические. Хотя сифилиса то и нет сейчас. Не открыли Америку.

За городом оказался настоящий военный лагерь. Здесь были свои рвы и валы, огромное количество различных навесов, которые с большой вероятностью можно было бы назвать шатрами и палатками.

Прямо какой-то интернационал. Была здесь слышна и греческая речь, и разновидности немецких языков, носители латинского языка. И очень порадовало, что то и дело проскакивала условно русская речь. Условно русская, потому как носители этого языка, скорее, говорили на помеси сербского и чешского. Но за неимением, радуемся тому, что есть.

Я воспитан патриотом. И даже в юности, когда было модно ругать власть, я с пеной у рта, порой, с разбитыми в кровь кулаками доказывал неправоту своих оппонентов. Так что мне становится всё тяжелее воспринимать реальность. Начинается своего рода ломка. Я из тех людей, которым необходима цель, чтобы жить. Без цели – просто существование. Надеюсь, что эту цель я обрету, если всё-таки мне суждено застрять здесь надолго.

* * *

Покои Велизария и Антонины

Красивая женщина, самое чистое создание, что есть на тысячу лиг вокруг, слезла с колен мужа. Только что она, повинуясь внезапно возникшему желанию соития, оседлала его. Велизарий был не против.

Да и как сопротивляться, когда вдруг спадает туника с идеального молодого тела, и красивая женщина, бывшая в Даре, как яркая роза в пустыне, предстает, словно Афродита, выходящая из моря, – не в христианском разуме рожденный образ. Велизарий же полон сил, молод и влюблен. Он не упустит момента.

— Он так тебе понравился, что ты набросилась на меня, словно тигрица? – спросил муж у жены.

— Есть в нем дикая сила, и еще что-то...

Антонина закатила глаза, словно бы мечтая. Велизарию это не понравилось. Не то, чтобы ревнивый, но самовлюбленности в нем хватает, как у каждого целеустремленного и амбициозного человека. Если сравнение не в пользу его, дуки, то...

Мужчина взял своей сильной ладонью нежный подбородок хрупкой женщины, с силой сжал. Антонина не опускала взгляд, терпела боль. Вновь возбуждение стало согревать женское тело. Тяжелое дыхание супругов было предвестником страсти.

Силой, резко, Велизарий повернул жену к себе спиной, прижал женское тело, чуть ли не ломая ребра Антонине, вдохнул аромат ее волос и зарычал, словно зверь. Потом резко, с силой нагнул Антонину, намотал на руку женские волосы, закатил глаза... Тяжелое дыхание очень быстро переросло в мужское рычание и женские стоны. Они двигались в такт, они были едины

— Нам нужно чаще звать этого варвара. Ты становишься в своей ревности неистовым жеребцом. Мне такое нравится, – сказала Антонина, поднимая руки.

Служанка, все время, пока супруги занимались процессом максимального сближения, стоящая рядом, стала обтирать хозяйку мокрым полотенцем. То же самое начала делать с Велизарием вторая служанка, уделяя особое внимание некоторым частям мужского тела мужчины.

— Но зачем ты позвал его? Ты выбрал жертву? – спросила Антонина, поглядывая на мужское естество своего мужа.

Нет... Не выйдет повторения. И женщине было жаль. Хотя она не теряла надежды, демонстрируя свою наготу, изящно разворачиваясь, являя Велизарию выгодные ракурсы себя, красивой и верной.

— Да, он идеально подходит на роль жертвы, которую мне нужно скормить Суникасу, – Велизарий посмотрел на свою жену. – Ты же сама предложила мне идею, как упрочить свое назначение дукой Месопотамии и не допустить возвращения Суникаса на это место.

— Жаль... он силен и... Я бы даже хотела посмотреть, как он будет совокупляться, например... – Антонина взяла за волосы служанку, подтянула ее к себе, сорвала тунику, потом жена дуки критично осмотрела тело своей служанки. – Ты не плохо сложена. Будешь ли, как животное совокупляться с варваром?

— Как прикажите, госпожа, – сказала служанка, продолжая, но уже голая, обтирать госпожу.

— Приказала бы... Но, увы... Нам мешает Суникас...

Велизарий занял место гунна Суникаса, который прозевал наступление персов будучи ранее дукой Месопотамии. Причем, молодого ромея поставили на должность лишь потому, что Велизарий клялся, обещал, что решит проблемы. Ну и его жена смогла вовремя поговорить с истинным правителем империи, со своей подругой, императрицей Феодорой.

Вот только место и ссориться с Суникасом императору Юстиниану не с руки. Гунны, как союзники, очень нужны Византии. Они оценили, что один из их племени занял высокое место в иерархии Восточной Римской империи. Такие назначения скрепляли союз, ограждали Византию от нападений гуннов.

— Так что скормим гунну склавина, пусть Суникас сделает глупость, убьет склавина Андреса, а ты обвинишь в убийстве и... Простишь сразу же. Так и с гуннами не поссоришься, и дашь повод василевсу отказать в назначении Суникаса дукой Месопотамии, – еще раз Антонина озвучила план.

Простой, но изящный, достойный Константинопольского дворца василевса.

— Жаль... Я бы посмотрела, как склавины совокупаются, – еще раз выразила сожаление Антонина.

Велизарий было подумал еще раз... Но он верил, что часто быть с женой – это терять свои силы, свой эфир. Так что...

— Я подготовлюсь к Военному Совету, – сказал полководец и направился прочь из покоев.

Обнаженная женщина, Антонина, наслаждаясь, как легкий ветерок обдувает ее влажное тело, подошла к столу и взяла бокал с вином. Опять ей сколько-то часов быть одинокой. Скорее бы уже война закончилась и они с мужем вернулись в Константинополь, где окунулись в бурную столичную жизнь.

Ведь дуке не обязательно постоянно находится в той провинции, наместником которой он назначен. Тем более, что Велизарий должен победить персов и поехать к василевсу за достойной наградой. А она... она будет рядом.

— Склавин Андрес... Чего же ты из головы не выходишь у меня? – прошептала Антонина. – Тебя и впрямь убить желательно. Нечего тебе делать в моей голове. И пусть это будет сделано руками гуннов.

Глава 5

Крепость Дара
17 июня 530 года

— Вождь! Вождь! – кричали со стороны одной из окраин огромного военного лагеря, опоясавшего крепость почти со всех сторон.

Да и как можно было большую массу людей поместить внутри крепости? Там, в выдолбленных в скале комнатах вряд ли комфортнее, чем на свежем воздухе. И воздух в крепости назвать свежим нельзя.

— Вождь! Вождь! – продолжали приветствовать меня воины.

— Военный вождь, а что тебе даровал командующий? Женщину разрешил? Женщину прежде всего нужно, – спрашивал все тот же парень с веснушками, которого я встретил чуть ли не первым в этом мире.

— Славмир, тебе женщина зачем? Молоко сосать? – сказал один из бойцов, и все дружно заржали, словно кони.

Такое ощущение, что в этом времени я со своим юмором могу стать великим юмористом и сочинителем. А, возможно, и наоборот... не "догонят" мои шутки "аборигены". А ведь правильный юмор – это очень сильная скрепа любого общения.

— Женщину мне пообещали, – сказал я. – Но сперва рассказывайте, что произошло!

Мужики переглянулись, пожали плечами. Я хотел слушать. Мне мир познавать, а они молчат. Посмотрел на словоохотливого парня, рыжего Славмира.

Он нахмурил брови, напрягся, видимо, вспоминал, начал говорить:

— Так Хлавудий опорожился у навеса...

— Славмир! – заорал на парня десяток глоток.

И кто-то из толпы громче всех выкрикнул:

— Вождь спрашивает о великом, а ты...

— А ты видел, сколь велико Хлавудий наложил? А? – не унимался веснучатый Славмир.

И вновь задорный смех, который цеплял и меня. Скоро, словно эпидемия, "смеховая лихорадка" распространилась дальше. Казалось, что сотни мужиков в едином порыве сошли с ума. Я успокоился быстро, а вот остальные, нет.

Вперед вышел здоровенный мужик, скала, а не человек. Ростом под два метра, или чуть выше. Плечи развитые, как у тяжелоатлета. Руки у него были длинные, даже с учетом высокого роста казались непропорциональными. Взгляд явно не обремененный интеллектом, детский, обидчивый. Вот-вот заплачет.

— Вождь, это навет. Я не опорожнялся у общего навеса, это кто-то другой, – сказал гигант.

И такой у него голосок был тонкий, в крайней степени не естественный, не подходящий внешнему облику. И лицо... Вот как должна выглядеть наивная простота в абсолюте. Такое недоумение, детская обида. И все бы ничего. Но он же гигант, мускулист, кулаки пудовые. Немного и лишнего жирка имел, но не критично. Огромный и страшный... Должен быть.

Пошла вторая волна смеха.

Но мне было не до веселья. Обстановку и социальную систему нужно изучать и понимать. И даже тот факт, что бойцы могут спокойно рассуждать над тем, что кто-то нагадил у навеса, о многом говорит. Как и то, что такие обсуждения происходят в моем присутствии.

Я, например, не могу представить себе, что в будущем, рядом со мной, офицером, будут стоять солдаты и обсуждать, кто нагадил у столовой. Просто потому, что офицер – это статус. А вождь?

— Я устал, мне нужна еда и отдых, – сказал я, понимая, что пока ничего существенного не услышу. – Хламидий, проводи меня до моего навеса, возле которого ты не гадил. И после всегда сопровождай и будь рядом.

— Вождь, но я не Хламидий... Я Хлавудий, – поправил меня боец. – И еще... Разве же мне можно провожать тебя?

Пауза... Я уже думал, что сказал нечто неправильное.

— Всем своим десятком быть с тобой? А как же Пирогост? Он был с тобой в бою по правую руку? – смутился Хлавудий.

Расталкивая толпу мужиков, явно возмущенным, вышел еще один воин. Я сразу понял, что это Пирогост. Злой, насупился, тоже видно, что обижается. Но по-другому. Этот готов стоять за свой статус.

— С чего, вождь, не я длань твоя? Чем провинился, или я подвел тебя? – последовал вопрос.

— Я решил усилить свою охрану, – стал я выкручиваться из ситуации. – Тайную борьбу преподам вам, да обучу, как охранять меня, или кого другого.

— Так ты и так, вождь, борьбе учишь, и не только нас, но уже и других, ромеев. Нас-то чего? Мы славно бьемся, – сказал Славмир.

И вот как мне быть? Не признаешься же, что я не я. И каждое, или почти что каждое мое слово может стать ловушкой. Я, мой реципиент, – здешний инструктор по борьбе. Очень интересно. И не думал, что таковые были у славян. Я же славянин? Ну да, у меня в подчинении Славмир. Это славянское имя. Другие имена спорные. Хотя... Пирогост можно было понять, как гостеприимный. Хлавудий – бывший славным. Склавины – славяне. Все сходится и слава Богу.

— Кто выйдет против меня, раз вы умеете биться? – выкрикнул я, скидывая доспехи. – Ну же не трусы же вы, славные склавины?

Примитивный коллектив? На время придется спуститься к их неразвитому мировоззрению. А что у мужиков важно? Сила – она уважаемая во все времена. Здесь же тем паче.

И если оставаться честным перед самим собой... Я хотел кому-то дать в морду. Так, чтобы меньше было вопросов и выплеснуть хоть немного из той бури эмоций, что приходится сдерживать внутри. Кулаки чесались. Напряжение от боя, как в будущем, так и сегодня, утренним, ушло. Очень много непонятного.

Но что я знал точно, что в мужском коллективе многое прощается. Даже откровенную глупость и тупость могут не замечать, если авторитет держится на силе. Это я понял еще с детства. До поры приходилось входить в группировку дворовых пацанов под руководством полных идиотов. После сам стал во главе улицы. Но только лишь когда смог быть физически сильным.

— Давай я и выйду! – сказал Пирогост.

Он был без доспехов. Одет в рубаху, скорее всего льняную, но грязную, чем из другого темного материала. Боец носил не сапоги, а... полусапоги. Широкие, полосатые красно-синие штаны. Это я анализировал одежду, понимая, что она сильно разнится с тем, во что одеты другие. Значит, Пирогост не так прост!

Когда мой соперник стал снимать рубаху, я поспешил последовать его примеру. Пришлось зеркалить все действия мужика.

И вот он обозначил на себе удар в грудь кулаком и после вытянул руку в моем направлении. Ну ладно, тоже лупанул себя в грудь. Что-то почти безволосую грудь, к слову. Или светлые волосы не так видны?

Как же я не люблю светловолосых! Вот не знаю даже почему. Наверное, потому, что был самым настоящим, без оговорок “светло” или “темно”, а жгучим брюнетом? Вот... я уже о себе думаю в прошедшем времени. Приходит осознание и принятие реальности.

Воины расступились, сделали круг. Пирогост вышел в центр, я к нему. Мой соперник встал в позу борца. Расставил ноги, чуть присел, подался вперед, вытянул руки. Явно собирался брать меня в захват. Это было полезным увидеть, чтобы понимать, какой именно борьбе я – мой реципиент – обучал воинов.

Можно было подумать, что ударная техника в этом виде борьбы запрещена. Но разве может быть что-то запрещено, если речь идет не о спортивной борьбе, а о военно-прикладной?

Делаю шаг на встречу, пробиваю ногой в голову. Итить твою же мать! Растяжка нулевая, болезненно растянул мышцы. Но удар прошел. Пирогост опешил от такой моей прыти. Делаю еще шаг навстречу, сокращаю дистанцию, пробиваю локтем в голову, тут же подсекаю ногу. Мужик картинно заваливается. Лежит на песке, выпучив глаза зыркает по сторонам. А мне приходится силиться, чтобы не скривиться. Растянулся... Ничего, дальше легче будет.

Ван Дамма в фильмах так и вовсе, как курицу веревками разрывали. Какой я древний, что помню Ван Дамма. Ага! В шестом веке!

— Хватит, или продолжим? – спросил я.

— Хвала! – загалдела часть воинов.

— Слава! – кричали другие.

Пирогост встал.

— Боги подарили тебе победу! – признал он.

Правильно я сделал. Пусть интуитивно, или пользуясь понятиями из будущего, но такая скоротечная драка нужна была. В глазах бойцов я видел еще больше почитания. Я пошел в сторону центра нашего, склавинского, лагеря, предполагая, что там и должен быть мой навес, или шатер. Воины расступались.

Как бы это не было неприятно, может и смешно, но ориентироваться мне пришлось на следы, что вроде бы оставил после себя Хлавудий. Хотя он это отрицал. Но я морально был готов и к более грязным моментам. И меня таким не удивишь, всякое бывало.

Большой навес стоял по центру, а рядом единственная конструкция, которую можно было бы назвать без каких бы то ни было оговорок “палаткой”. Вот только она не казалась мне жилой. Внутри я заметил разный хлам в виде непонятого предназначения деревянных предметов, веревки, обрезки кожи. Склад?

Под навесом стоял стол. Но не такой, чтобы можно было сидеть на стуле. Стол был на низких ножках, вокруг скрученные и связанные небольшие тюки сена. Скорее за таким столом не сидят, а рядом с ним возлегают. Но место для приема пищи, никак не для сна. Можно, конечно же спать и на свернутых пучках сена, но вряд ли вождь это делает.

Вокруг было много повозок. Крытых, которые я назвал бы фургонами, кибитками. Они запрягались или конями, или быками, сейчас стоящими или лежавшими под своими навесами. И тех и других животных я видел в загонах.

Повозки были немаленькими, своего рода дома на огромных цельнодеревянных колесах, по виду, так и не идеально округлых. В таких кибитках вполне было бы удобным спать. Наверняка, мои склавины используют фургоны для сна.

— Вождь, ты принес еду? С кем ее разделишь? Кормежка только вечером, – спрашивал Пирогост.

Рядом был и Хлавудий. А вот еды не так и много, чтобы делиться со многими. Ну максимум, это десять человек могли бы поесть. Неужели унюхали, что у меня в кожаной сумке. Я не показывал.

— Вы двое, – я указал на своих приближенных. – И сами решите, кого еще двоих пригласить. Но пошлите кого к Велизарию, к Арташесу. Он обещал дать еще еды, на всех.

— Это славная весть! Ячмень, просо и соленое мясо уже невозможно есть, – обрадовался Хлавудий.

Ну да! Такую тушу еще прокорми!

Мужики ели мясо и точили лясы. Очень удачный прием я использовал: напихать рот едой, или медленно пить. И при этом слушать. Потом что-то уточнить. Снова есть. А еще и наблюдать за собравшимися. Если эти наблюдения и услышанное помножить на образы и знания истории, то проясняется обстановка.

— На битве нас поставят в центр. Иного пешцам не позволят, – говорил Хлавудий.

Это я плавно подвел тему разговора к тому, кто меня окружает и что вообще предстоит. Битва. Все об этом знали. А я, ну или мой реципиент, ритуальным поединком начинали битву. Завтра, или послезавтра, тут будет жарко не только от солнца.

— Да, нам иного не позволено, стоять и ждать. А что ты еще хочешь, если у нас только пять десятков лошадей, да и то из них боевых с половину? Чай мы не гунны и не буккеларии с катафрактариями, чтобы конными ратиться, – поддерживал Пирогост Хлавудия.

— А было бы много коней, смогли бы вы конными воевать? – спросил я и тут же стал запихивать в рот очень даже неплохое мясо, может только чуть излишне соленое, но терпимо.

— Могли бы... Так о том ты знаешь. Ну не как гунны. Их женщины рожают на конях, как рассказывают, – сказал еще один воин, Некрас.

Вот уж не знаю, с чего он некрасивый, в мужской красоте не разбираюсь, и хвала богам. Но мужик был статный, высокий, хотя до Хлавудия ему было далеко. Но Некрас – чернявый. Типичный брюнет. И это сильно выбивалось и общей картины скопления светлорусых или рыжеватых мужиков.

Некрас был сотником в моем отряде. Так что считай, что один из заместителей.

— Что ты мог бы, Хлав? На коне? На быке тебе скакать! Когда в последний раз сулицу метал с коня? – усмехнулся Пирогост.

Вот так мир и познается. Значит, мы пехота. Основные войска Велизария – это конница, которая должна противостоять другой коннице, персидской.

Еще пожевали, поговорили о... Опять о женщинах. Ничего не меняется и через полторы тысячи лет. Если мужики говорят, то о войне и о женщинах. Но проскакивали и очень любопытные темы.

— Дали бы волю! Мудры наши справили бы пороки, не хуже римских! – поддерживал разговор еще один приглашенный на пиршество воин.

И я уже понял, кто такие “мудры”. Можно было сколь угодно удивляться, но это – славянские инженеры. А я тут думал, что мои предки в шкурах по лесам бегают [*упоминание о том, что склавины имели военных ремесленников-инженеров и строили сложные конструкции были, как, к примеру, при взятии Велизарием Рима*].

Скоро прибежал Славмир. Парень остановился у низкого стола и нас, возлежавших у явно богатых яств. Он хотел что-то сказать, но только слюни глотал.

— Ну, что? – спросил я.

— Я договорился! – радостно сообщал Славмир. – Лучшая из срамных девок, Данарис, сама придет. Когда Велизарий разрешает женщину то ее нужно это... ну... ей положено... это...

Все смеялись. Вот только смех этот был такой... Смотрели при этом друг на друга, готовые драться, кому быть с той Данарис.

— Когда делить будете телку, это так имя ее звучит на греческом, чтобы без драки! – повелел я.

— А... И это... Тебя, военный вожь, Арташес, телохранитель дуки, ищет, – продолжил говорить Славмир.

Понятно, какие у него приоритеты. Первым делом женщины, ну или сопливые мечты о них. А уже потом все остальное. Даже и служба. Главное сообщить о Данарис, а не о том, что главный телохранитель командующего ищет.

Ну да... Военный Совет. Не то что я забыл. Но ощущения времени никакого.

Вот же какие воспоминания будут, когда вновь окажусь в своем времени. Окажусь же? Ведь так?

Вечер. Солнце клонилось к закату. Резко холодало. Но эта прохлада пока еще была спасительной. Однако, когда я поднялся в комнаты Велизария, занял место на неудобно низкой лавке у большого стола, покрылся гусиной кожей.

Нет, это я не от впечатлений, эмоций. Сквозные двери были открыты, белые занавески ходили ходуном от сквозняка, закручиваясь в замысловатые узлы. Но никто из присутствующих и виду не казал, что холодно и стоило бы закрыть одну дверь. Чего мне, человеку и вовсе северному обращать на это внимание?

Я не знал, кто сидит на лавках рядом со мной. Почти не знал. Суникаса, предводителей гуннов, если только. Ну и самого Велизария, сидящего на большом стуле, возвышаясь над всеми, и над столом. Он и вид имел возвышенный. Однако, не сказал бы, что высокомерный. Словно бы подошел к черте надменного гордеца и чуточку не хватает, чтобы перешагнуть эту грань.

Если бы полководцу нужно было бы взять что-то со стола, это оказалось бы проблемой. Пришлось бы сильно согнуться. Но, как я понял, понты дороже любой вещи, лежащей на столе, чтобы брать ее в руки. Да и слуга стоял рядом. Подаст если что.

Да и не много чего было на столе. Лишь один пергамент развернут. На нем нарисован план, наверное, сражения.

— Склавин Андрес, все ли тебе понятно? – спросил Велизарий.

Я был последним, кому адресовался повторенный не единожды вопрос.

— Дозволишь, дука, сказать? – на греческом языке, подражая иным командирам, спросил я.

Уже было собравшиеся уходить с Военного Совета, предводители отрядов с интересом посмотрели на меня. Мол... Что? Он еще и говорить умеет?

— Говори! Для того мы тут, – сказал Велизарий и повелительно махнул рукой в мою сторону.

Мне кажется, или он подражает кому-то? Императору? Как-то неорганично выглядят движения Велизария, когда он ведет Совет. Не привык к таким собраниям, а фасон держать нужно?

— Конным воинам врагам будет сложно пройти ров и взобраться на вал, где должны встречать персов и мои воины тоже. Так почему же не усложнить задачу врагу? Почему не поставить еще и телеги кругом? За ними укрываться, когда враг осыпает стены, и отвечать своими стрелами? – внес я предложение.

Все молчали. Смотрели то на меня, то на Велизария. Я что-то не так сказал? Но ведь такое решение напрашивается само собой. Вспомнилось сражение при Молодях. Ну как вспомнилось... В свете происходящего со мной, можно было подумать, что я и там был. Нет, Бог милостив.

Но при Молодях очень удачно использовали гуляй-поле против татар и турок. Победили меньшим числом. Почему сейчас не сделать тоже самое?

Я ждал отклика на свое предложение, или же что меня попросят уточнить. Но сказал не Велизарий, а гунн Суникас:

— У склавинов особые телеги, как и у нас, но они полностью в дереве, у нас навес из ткани. Это может сработать, – сказал гунн и посмотрел на меня. – Но ты со своими воинами и в бой не вступишь. Ибо я погоню персов раньше.

Выражение, явно только что бритого, с царапинами, лица Суникаса говорило, мол, должен будешь. Да и не вопрос! Пусть телку... э... Данарис в “грехерожденную” женщину низкой социальной ответственности забирает. Что-то брезгую я. Наверное мои бойцы сейчас...

Фантазия нарисовала картину разврата в лагере склавинов. Вдруг проснувшаяся похоть нарисовала меня во главе разврата. Такой предводитель злостных извращуг. Бурная у меня фантазия. И срывает не к месту. Это же не я... Умел же сдерживаться. Какие-то процессы внутри организма имели воздействие на сознание.

— И стрелу, пущенную в навес крыша телег выдержит? – задумчиво говорил Велизарий.

— Пробовать нужно, – сказал я.

— А что, и не знаешь того? Никогда по вам не пускали стрелы? Я исправлю это! – сказал гунн и заржал.

Такой юмор командующий не понял. Да и другие не спешили веселиться. Я уже понял, что гунны здесь союзники, чуть в сторону отступят, так и враги. Так что шутку я воспринял, как предупреждение.

И мне показалось, или Велизарий смотрит на Суникаса несколько недоверчиво, настороженно, может и зло. И тот не отстает. Тоже зверем то и дело зыркает на полководца.

— Делай, склавин, как предложил ты. И другие пещцы с тобой будут. Только судьба сражения решится не там... конно нужно разбить персов. Только так, – говорил задумчиво Велизарий.

— Дука, – обратился я к командующему. – Видел я, что на твоём складе есть арбалеты.

— Что?

— Самострелы?

— Что? А я посчитал тебя разумным, – сказал Велизарий.

— А я и есть разумный! – сказал я. – Многие ли с тобой на греческом говорят? Или на латинский перейдем язык? Из луков мои воины плохо стреляют, это да. Но есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.